

На следующее утро, накормив свинью и кур с утками во дворе, братья вдвоём взвалили на плечи коромысла, сходили к речке, наполнили до краёв большой водяной чан, стоявший у дома, после чего переоделись в чистую одежду и вместе направились к семье Чжоу.

Перед самым выходом Хо Лин не забыл прихватить с собой Здравяка. На этот раз, как говорится, наученный горьким опытом.

Год назад он уже обжёгся: тогда одна сваха, курсировавшая между деревнями, расхваливала до небес, будто бы в соседнем селении есть гер, готовый выйти за него замуж, не против, мол, и промысла, и жизни в горах. Но когда дело дошло до встречи, тот гер лишь мельком взглянул на Здравяка, и тут же побелел, как полотно, потерял сознание и рухнул на месте.

Пришлось звать людей, нести его на руках к доктору, долго приводить в чувство, натирать нос огненной настойкой. Очнувшись, гер разрыдался и наотрез отказался от свадьбы. Только после расспросов выяснилось: сваха наврала, тот и не знал вовсе, что Хо Лин живёт в глуши и промышляет в лесу. Ну а свахи, они и есть свахи: им бы дело устроить, чтобы звучало красиво. А тут ещё и Хо Лин парень ладный, внешность яркая, с виду хоть в свиток рисуй. Сваха и решила: авось, как гер на него глянет, так сразу и согласится.

Кто бы мог подумать, что кто-то может до такой степени бояться собак... В итоге сваха не только не заработала ни гроша за посредничество, но ещё и выложились на доктора, пришлось тратиться на лечение. После того случая она, как побитая собака, со стыдом убралась восвояси и с тех пор ни ногой в деревню у подножья гор.

Увидев, как Хо Лин снова ведёт с собой Здравяка, Хо Фэн тоже вспомнил тот злополучный случай, как вся семья тогда обрадовалась впустую. Оставалось лишь надеяться, что в этот раз всё пройдёт не зря и, наконец, у младшего что-то вырастёт.

Но всё вышло совсем не так гладко, как хотелось бы. Едва они подошли ко двору семьи Чжоу, как уже услышали крики и шум изнутри. Та самая чиновная сваха Чжао, что сопровождала переселенцев, оказалась окружена толпой деревенских жителей. Все наперебой говорили, перебивали друг друга, выкрикивали вопросы. Сваха и сама уже раскраснелась от раздражения, в горле пересохло, а огонь под сердцем так и бушевал.

Е Супин, заметив в толпе знакомые лица, поспешила разузнать, в чём дело. Вернувшись, она выглядела мрачно и хмурила брови.

— Что случилось? Что там за шум? — спросил Хо Фэн, держа дочку на руках.

Е Супин взглянула на братьев, тяжело вздохнула и ответила:

— Говорят, людей в деревню прислали меньше, чем обещали. Сначала говорили, что будет хотя бы пятеро-шестеро, у нас же холостяков хоть отбавляй, и староста сам ради этого в уездную управу ездил, выпросил. А теперь, гляди, довели всего двоих. Остальных, оказывается, по

дороге перехватили.

Не успела она договорить, как с того конца двора снова послышались крики, и на этот раз голос у свахи Чжао сорвался на визг. Она вскарабкалась на чуть выступающий камень, упёрла руки в бока и завопила на толпу:

— Да вы мне хоть голову оторвите, я больше людей не достану! Я уже сколько раз сказала: остальных ещё по дороге в Шуанцзиньтун отобрали, семье Шэнь отдали! Они ж зажиточные землевладельцы, им что, взять себе пару девушек или гербов в прислугу - это, по-вашему, не по закону?

Она гневно тряхнула носовым платком и хлопнула себя по груди, будто от злости аж в груди защемило.

— Им, небось, за это ещё и награда полагается! Императорские земли разрабатывают, вот им и разрешили: и налогов меньше, и зерна платить не надо! А я перед такими господами кто? Ниже травы, тише воды! У их слуг любая рука с моё бедра! Так что вот: осталось двое. Смотрите, хотите — берите, не хотите — и не надо!

Эти слова разом заткнули рты всем деревенским. Ведь кто в здравом уме пойдёт в Шуанцзиньтун спорить с семьёй Шэнь, с этими богатеями? С тех пор как у Шэней появилась поддержка от вышестоящих, Шуанцзиньтун зазнался. Люди там ходят носом кверху, соседние деревушки ни во что не ставят, давили, унижали их не раз и не два..

Староста деревни, Чжоу Чэнцзу, видя, что гвалт не утихает, взял таз, ударил по нему несколько раз, привлекая внимание, и громко распорядился:

— Всё, дело как есть, так есть. Лучше хоть так, чем вообще без никого. Кому интересно, заходим во двор смотреть. Остальные, быстро разошлись, нечего тут толпу разводить и устраивать беспорядки!

Сваха Чжао спрыгнула с камня с перекошенным лицом, в душе злая до предела.

Думала про себя: если бы не эта чертова обязанность по государственному приказу, она, при её умении, сидела бы сейчас в доме какого-нибудь состоятельного горожанина, попивая чай и закусывая сушёными фруктами. А вместо этого ещё до рассвета на ногах, тащится в глухомань и тут возится с этими деревенщинами без конца. Чем скорее дело будет завершено, тем быстрее удастся вернуться в город - вот что сейчас было важнее всего.

После слов Чжоу Чэнцзу сваха с нахмуренными бровями прошла во двор, а за ней тут же хлынули остальные — и те, кто пришёл на смотрины, и домочадцы, и просто любопытствующие зеваки. Семейство Хо стояло ближе к передку. Как только Е Супин увидела приведённых свахой переселенцев, она тихо пробормотала:

— Чего ж все геры?

Ведь геры беременеют труднее, и на брачном рынке ценятся ниже, чем девушки. По нынешним меркам, если сватовство официальное и с полным обрядом, то за невесту можно получить до пяти лян серебра, а если хороша собой да с приданым, то и выше. А вот за геры в лучшем случае три-четыре лян, и то потолок. Потому и старались сначала сватать девушек, а уж если не складывалось, тогда только обращались к геру.

Хотя Е Супин и ворчала про себя, понимала: Хо Лин столько лет протянул, тут уж не до перебора. Они с братом посмотрели на приведённых. Слева стоял гер с острым лицом и болезненно-жёлтой кожей, вид у него был совсем хилый. А справа помоложе, наверное, совсем юнец. Запястье тоньше хвороста, всё время жался к первому, будто боялся отойти.

Что до внешности - после всего, что им пришлось пережить в бегстве, оба исхудали до неузнаваемости, так что толком и не разберёшь, каковы они на самом деле. Но одно было ясно: вдвоём они на работающих точно не похожи. Неудивительно, что семья Шэнь от них отказалась.

Такие мысли крутились не только у Е Супин. Всё собрание заговорило, кто с кем шепотом, кто открыто бормоча под нос. Особенно усердствовала старуха Чжэн, что всегда слыла острой на язык.

— Этот больной гер, да он никуда не годен! Заберёшь такого в дом, только и успевай деньги на лекарства тратить, а если не поправится да ещё и помрёт, одна беда да несчастье... Второй, что помельче, может, ещё туда-сюда, да и то худой, как дощечка. Хоть бы и отъелся, всё одно, вряд ли родит кого...

Слова её были грубы и бессердечны, но во что в деревне больше верят, как не в подобные суеверные рассуждения? Так что тут же многие начали качать головами, и толпа, что сперва плотным кольцом обступила обоих переселенцев, быстро поредела. И сама старуха Чжэн тоже фыркнула и ушла прочь.

У неё самой ещё младший сын оставался неженатым, вот она и пришла в расчёте урвать кого-нибудь без выкупа, да ещё, глядишь, с выгодой. Но, увидев перед собой этих двоих «убыточных», тут же отказалась от затеи: на такую глупость она пойти не могла. Даже если не платить выкуп, кормить-то всё равно придётся, а в итоге ни наследника, ни толку, только напрасные хлопоты. А ещё и родня у таких не здешняя, гнать их потом вздумаешь, и то не выгонишь как следует.

Когда людей поубавилось, стало куда тише. А оба молоденьких геры всё так же стояли молча, с опущенными головами, позволяя себя рассматривать, обсуждать, перебирать, словно вещь на базаре.

Хо Фэн наклонился и тихо спросил Хо Лина:

— Ну, что думаешь?

А Хо Лин и сам не знал, что сказать. Прийти-то он пришёл, а раз уж здесь, глупо разворачиваться и уходить. Видя, как брат внимательно на него смотрит, он через силу выдавил вопрос, обратившись к свахе:

— А сколько им лет, можно узнать?

— Да лет-то им немного, — ответила сваха Чжао, — вот этот, что помельче, ему сейчас шестнадцать, а второй постарше, девятнадцать.

Чтобы хоть как-то развеять недовольство деревенских, сваха Чжао поспешила добавить ещё пару слов в защиту:

— Вы уж не гнушайтесь, что оба худые да бледные. Вы сами попробуйте тысячу ли прошагать, покинув родной дом, кто ж тут не вымотается? Но они ведь проверены управой, оба чисты, без темного прошлого! И главное без выкупа! Такая удача не каждый день подвернётся, упустите сейчас - второй раз не дадут!

Хо Лин, если уж быть честным, слушая эту речь, чувствовал себя так, словно торгуется не за судьбу человека, а за товар в лавке. Говорила эта сваха с тем же напором, что и городские перекупщики, всё лесть, лишь бы оставить «товар» в деревне.

Хо Фэн же явно положил глаз на того, что помоложе, и надеялся, что младший брат приглядится. Но Хо Лин только отмахнулся и покачал головой:

— Мал ещё. Хоть и говорят, что шестнадцать, а на вид и четырнадцати нет.

— Ты ж сам всегда говорил: лишь бы в горы пошёл да собак не боялся! С каких пор возраст выбирать начал? А если он просто выглядит моложе?

Хо Фэн аж брови вздыбил от злости, хотел было ещё уговаривать, но знал: как упрямство в Хо Лине проснётся, хоть бей - не сдвинешь. Так и пришлось ему смотреть, как гера увёл хромой заика из семьи Лин.

При людях назвали имена: гер оказался по фамилии Сяо, звали его Сяо Минмин.

Мать Лин сияла от радости, улыбка так и не сходила с лица. Она благодарила и старосту, и сваху Чжао без конца, всё приговаривала, что сбегает домой за яйцами, чтоб вручить в знак благодарности. Чжоу Чэнцзу вежливо отказался, а сваха и вовсе с пренебрежением отмахнулась, так всё и заглохло.

Она давно овдовела, и сын Лин Чансуй у неё единственный. Ещё когда он и толком говорить не умел, пьяный отец однажды его так ударил, что повредил ухо, и с тех пор та сторона почти не слышала. Позже Лин Чансуй заговорил, да только с заиканием, косноязычно, как ни лечили — без толку.

А тут ещё в доме нищета, собрать денег на выкуп он бы никак не смог. Вот и вышло, что к двадцати годам парень так ни с кем и не обручён.

Другие приглядываются, можно ли от такого гера потомства дожидаться, а мать Лин что? Она свои возможности знает. Её не пугает, лишь бы человек был. А если уж совсем не получится родить, что ж, возьмут ребёнка из той же родни в соседней деревне, с младенчества воспитают. Какая разница, своя кровь или нет — будет как родной.

Пока семья Лин собиралась уводить Сяо Минмина, Хо Лин уже и сам собрался уходить, но Чжоу Чэнцзу заметил это и громко окликнул его.

Он был старым приятелем отца братьев Хо, Хо Лаошуаня, а Хо Фэн с Хо Лином звали его дядей. Смерть Хо Лаошуаня пришлась на ранние годы, и всякий раз, вспоминая его, Чжоу Чэнцзу чувствовал щемящую тоску. На его взгляд, Хо Лин — парень, что надо: и руки на месте, и голова светлая, и совестливый, да вот беда, характер через край. Твердолобый, как те, что жили до него: точно перенял от прадеда старую хулиганскую закалку, не боится ни неба, ни земли, а уж если что решил, даже восемью волами не сдвинешь.

Вот и с женитьбой так же, сколько лет всё мимо. Если никого не приведёт в дом, глядишь, так и останется до конца дней один. Потому и пришлось Чжоу Чэнцзу использовать строгость старшего. Он кивнул в сторону оставшегося гера и сказал:

— Я вот гляжу, парень-то тоже не дурной. Лет у вас с ним, кажется, примерно одинаково. Раз уж смог живым добраться до этих мест, значит, и храбрость есть, и сила духа. А тебе как раз нужен не из робкого десятка, верно?

Тут Хо Лин впервые по-настоящему посмотрел на второго гера.

В отличие от Сяо Минмина, тот, казалось, вовсе не интересовался ни происходящим, ни окружающими. Он стоял неподвижно, словно в забвении, глядя в одну точку - на камешек у себя под ногами. Лицо было пустым, отрешённым, как будто всё, что творится вокруг, к нему не имеет ни малейшего отношения.

Хо Фэн тоже поглядел на гера с минуту, но не решился прямо перечить старосте, потому выбрал выражение помягче:

— Да, вроде бы неплохой... Только взгляд у него какой-то... пустой.

А ну как с головой у него не всё в порядке? — промелькнуло у него в мыслях, хоть и не сказал этого вслух.

Сваха Чжао, услышав сомнение, тут же встрепенулась. Ей меньше всего хотелось тащить гера назад в город, срывать поручение и отвечать перед управой. Потому поспешила заговорить:

— Ай, ну вы тоже поймите... Беды у всех по-разному бьют, у него просто жизнь такая, кому ж сейчас не тяжело?

Она вспоминала, что слышала в дороге от других переселенцев, и пересказала всё слово в слово:

— Он сам родом из уезда Пинъань, что по ту сторону границы. Семья у него большая была, дом полная чаша. Да только пока добирались, кто умер, кто потерялся... Когда они дошли до окрестностей Чанлиня, в живых остались только он и мать.

— А мать где, почему не с ним? — спросил Хо Лин.

Сваха вздохнула, отступила на шаг в сторону, подальше от гера, и, понизив голос, ответила вполголоса, обращаясь к семье Хо:

— Мать-то не дожила... По дороге захворала, до самого города не дотянула, померла прямо на подступах. Управа, чтобы предотвратить распространение болезни, собрала тогда всех умерших, кто где пал, свалила вместе и сожгла. Потом вырыли общую яму и похоронили всех разом...

То есть, выходит, у матери даже собственной могилки не осталось, ни холмика, ни надгробия. А по меркам нынешнего времени это считалось верхом сыновнего бесчестия. Недаром ведь на улицах частенько встречались несчастные, что продавали себя в услужение, лишь бы похоронить отца или мать как положено. Кто бы на его месте ни оказался, у любого сердце бы разорвалось от такой беды.

Даже у свахи Чжао с намётанным глазом и деловым подходом, в этот момент дрогнуло лицо и мелькнула жалость.

— После того он в тяжкую скорбь впал, — продолжила она. — Да и сам слёг, простудился. К счастью, в уезде есть бесплатные целители, вот один добрый доктор и дал ему пару пилюль, сказал: ничего страшного, болезнь не глубокая, поесть нормально да выспаться, и отойдёт.

Выслушав всё это, теперь уже всякий, кто смотрел на молчаливого гера, чувствовал к нему только сострадание. До города ведь всего шаг оставался, был бы живым хотя бы один родитель, стал бы хоть какой-никакой, но опорой...

Сваха Чжао, меж тем, успела услышать от Чжоу Чэнцзу пару слов о положении самого Хо Лина, и, не теряя ни секунды, тут же пустила в ход свой настоящий язык свахи:

— Эй, парень из семьи Хо! Слушай тётю! За полжизни я не меньше сотни браков устроила, и ещё ни одного не обидела! Неужто я тебе зла пожелаю? Ты меня послушай, раз уж пришёл, доверься, не пожалеешь!

Сваха с жаром продолжала уговаривать, едва не хватая Хо Лина за рукав:

— Ты только забери его к себе, точно не прогадаешь! Во-первых, сэкономить на выкупе и не попадёшь под трудовую повинность. Во-вторых, будет тебе человек постель согреть, а гер из хорошей семьи приучен с малолетства и у плиты стоять, и иголку с ниткой держать. Потом сам спасибо скажешь, только и останется, что жить да радоваться! Ну подумаешь, сначала придётся немного потратиться на пару чашек похлёбки да лекарств. Спасёшь человеку жизнь, да это ж благодеяние, тебе же в сто раз вернётся! Это ж карма, это ж счастье!

Видя, как та разошлась, Е Супин, вспомнив, как в своё время сама обожглась на речах такой же "доброй" свахи, не выдержала и прервала её:

— Знаем, что уважаемая госпожа от доброго сердца говорит, — сказала она сдержанно. — Только мы и сами из обычной деревенской семьи, у нас нет лишнего серебра, чтобы буддой прикидываться. К тому же взять в дом кого-то - это не только от слов зависит, а от того, есть ли между людьми судьба.

Сваха Чжао тут же хлопнула в ладоши, а голос стал ещё звонче:

— О, судьба! Конечно судьба! Я тебе вот что скажу: сто лет нужно, чтобы в одной лодке переплыть, тысячу лет, чтобы на одной подушке спать! Раз уж сегодня встретились, значит, сами Небеса свели!

Видя, что Хо Лин хоть и молчит, но не уходит, сваха Чжао тут же уловила намёк на надежду. Она причмокнула, прищурилась и решила, что дело можно дожать. Подошла поближе, подкинула дров в огонь:

— Слушай тётю! Я-то из уездного города, новости туда-сюда постоянно слышу. Сейчас, может, и дают откупиться от трудовой повинности серебром, но кто знает, как дальше пойдёт? Сегодня платишь, а завтра скажут: людей не хватает, и всё, без вариантов! А как тогда будешь выкарабкиваться, а?

С жаром она начала расписывать, каково это на каторжных работах: стены возводить, в шахты лезть.

— Это ведь и правда, не байки: ни доесть, ни доспать, спина крючком, день с ночью не

различить. Один раз съездишь, если не помрёшь, так слой кожи по дороге оставишь! Вернёшься - здоровье подорвано, ни сил, ни ремесла, хлеб не заработаешь, а значит и жениться труднее. А там глядишь, и вся жизнь мимо пролетит...

Наговорившись до пересохшего горла и опасаясь, что дело сорвётся, сваха Чжао с досады оглянулась на гера. Тот всё ещё стоял молча, будто его и не касалось происходящее. У свахи уже голова начала ныть от этого каменного лица.

— Эй ты, — в сердцах хлопнула его по спине, — ты чего застыл столбом? Ни слова, ни жеста! А если сватовство выйдет, да ты ж заживёшь, как человек! Семья Хо одна из самых достойных в деревне: добрые, честные, с большим сердцем!

От резкого хлопка свахи гер едва не потерял равновесие - зашатался и почти было упал на землю. Но в последний момент кто-то протянул руку и подставил под его локоть что-то твёрдое, и только благодаря этому он не рухнул.

Испуганно вздрогнув, гер наконец поднял взгляд. Перед ним стоял высокий, крепко сложенный мужчина. Оказалось, подставленным предметом был... нож. Самый настоящий охотничий нож в простых ножнах. В столь странной ситуации, когда даже здесь, в гуще людей, кто-то ещё соблюдает осторожность и уважает телесные границы, гер невольно округлил глаза. В его лице впервые за всё утро промелькнула жизнь, проблеск осознанности.

Он выпрямился и тихо поблагодарил, потом, немного подумав, робко спросил:

— ...Старший брат... вы охотник?

Хо Лин не ожидал, что этот молчаливый гер заговорит первым, да ещё и с ним. До этого он уже успел решить для себя, что парень будто выжженный изнутри: ни страха, ни надежды, словно всё равно, куда его отведут, и уведут ли вообще. Таким, казалось, достаточно одного порыва ветра, чтобы унести их прочь.

И всё же в этот мимолётный миг, когда гер поднял на него глаза, в груди у Хо Лина что-то дрогнуло. Он вспомнил, каково это - терять. Отец ушёл ещё в детстве, прошло больше десяти лет, и теперь в памяти едва остался его облик. А вот когда не стало матери... та боль была другой. Настоящей, рвущей, бездна внутри, от которой не уйдёшь. Тогда даже небо казалось серым, как пепел.

— Не совсем, — ответил Хо Лин, следя за его взглядом, который упал на нож у него на поясе.

Он часто бывал в горах, и диких зверей повидал немало, потому и выработал в себе навык действовать быстро, без раздумий. Оттого, пользуясь ножом, сразу же рефлекторно убирал его обратно в ножны.

— А ты чего вдруг спросил?

— Мой отец... — тихо начал гер. — Раньше он тоже был охотником. В молодости. Он тогда тоже любил носить у пояса короткий нож.

Хо Лин провёл пальцами по деревянной рукояти, будто бы невзначай, и вдруг спросил:

— А ты... собак не боишься?

Сваха Чжао стояла рядом, слушала их странный разговор, и у неё глаза на лоб полезли, а брови взметнулись вверх от недоумения. Вот это парочка, — подумала она. — Один про нож, другой про пса. Ни один не по делу. А глядишь, как будто и вправду подходят друг другу.

Гер замешкался, не сразу понял, к чему вопрос, но потом слегка покачал головой:

— Не боюсь. У нас раньше была охотничья собака. Все в доме собак любили. Но потом отец упал, повредил спину и больше не охотился. А пёс состарился... умер. Мы тогда горевали сильно и не решились завести нового.

Говорил он медленно, хриловато, голос был утомлённый и глуховатый. После пары фраз неизбежно начинал кашлять, видно, давно не произносил столько слов за раз.

Но Хо Лин остался доволен этим ответом. Он верил: человек, который по-настоящему любит собак, вряд ли может быть с дурным сердцем.

Он свистнул в сторону ворот, затем снова посмотрел на худощавого, измождённого гера.

- Сначала ты должен взглянуть на мою собаку.

<http://bllate.org/book/13599/1205860>